

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 17

**Международные
валютно-финансовые
интересы России —
в чем они?**

УДК 336.131; 336.27; 339.727

ББК 65.261; 65.268

Н 62

Редакторы И.Ж. Житловская, Н.М. Румянцева

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте»
Выпуск 17: Международные валютно-финансовые интересы России —
в чем они? — М., 2004. — 48 с.
ISBN 5-8341-0069-4

В книге изложена стенограмма доклада заместителя министра финансов РФ С.И. Колотухина на очередном заседании Никитского клуба.

Несмотря на существенное снижение рисков после кризиса 1998 г., угрозы для валютного и финансового положения в России продолжают существовать. В чем они состоят и каковы действия правительства, предпринимаемые для их устранения? Читателю книги предоставляется возможность как познакомиться с позицией докладчика, так и узнать мнение по этому поводу участников обсуждения.

УДК 336.131; 336.27; 339.727

ББК 65.261; 65.268

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009 Москва, Большой Кисловский переулок, 13
Усл. печ. л. 4,3. Заказ 1332. Тираж 1000.

ISBN 5-8341-0069-4

© Никитский клуб, 2004

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73

факс 234-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общественности, заинтересованных в радикальном снижении экономических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране.

Миссия Никитского клуба

Клуб видит свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллектуальные ресурсы, преодолеть их не востребованность, предъявить обществу и предложить пути их эффективного использования.

В условиях системной трансформации власть, как правило, вынуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Стратегия — попытка предвидеть будущее, чтобы избежать ошибок в настоящем.

Гражданская инициатива Никитского клуба состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предпринимательских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать стратегию развития страны.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам жизни общества;
- *содействие*:
  - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
  - формированию культуры глобального мышления;
  - формированию идеологии преемственности, социального партнерства, ответственности;

- осознанию и формулированию интересов России и вытекающей из них политики в различных сферах жизни;
- просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей возможные приоритеты развития страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб будет использовать в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- СМИ, в том числе создание центра информации по глобальным и стратегическим проблемам в электронной сети (базы данных, исследований, научных публикаций и т.д.).

Круглый стол
**«Международные валютно-
финансовые интересы России— в чем они?»**

(доклад С.И. Колотухина, заместителя министра финансов)

Москва, 21 ноября 2003 года

Участники обсуждения:

Богомолов Олег Тимофеевич,

советник РАН, почетный Директор Института международных экономических и политических исследований

Гринберг Руслан Семенович,

директор Института международных, экономических и политических исследований РАН

Гутник Владимир Петрович,

руководитель Центра европейских исследований (ИМЭМО РАН)

Зернов Владимир Алексеевич,

ректор Российского Нового университета, председатель Совета ректоров негосударственных учебных учреждений

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Колотухин Сергей Иванович,

заместитель министра финансов РФ

Красавина Лидия Николаевна,

директор Центра фундаментальных и прикладных исследований Финансовой академии при Правительстве РФ

Лавров Сергей Николаевич,

генеральный директор Фонда «Бюро экономического анализа»

Луков Вадим Петрович,

посол по особым поручениям МИД РФ

Потемкин Александр Иванович,

генеральный директор ММВБ

Круглый стол вел С.П. Капица

С. П. Капица

Дорогие коллеги, я рад приветствовать на нашем заседании Сергея Ивановича Колотухина, заместителя министра финансов, который пришел к нам прямо с заседания Думы, где в третьем чтении был утвержден бюджет страны (на 2004 год — *ред.*).

Но сегодня мы будем говорить о международных валютно-финансовых интересах России. Сергей Иванович принимал участие в переговорах «Большой восьмерки», и я думаю, что мы можем получить информацию о происходящем, как говорят англичане, *from the host's mouth* — из первоисточника.

В нашей программе были сформулированы вопросы обсуждения, но будет правильным, наверное, если Сергей Иванович сам выберет темы своего выступления.

С. И. Колотухин

Спасибо, Сергей Петрович. Действительно, у нас сегодня важное событие: в третьем чтении, фактически уже перед моим отъездом из Госдумы, был утвержден бюджет, и это очень важно. Вы знаете, четвертый год подряд бюджет Российской Федерации утверждается с профицитом, что крайне редко для большинства стран. По-моему, Россия здесь чемпион: четыре года подряд иметь профицитный бюджет — большое достижение.

Изменение в финансовой политике России произошло после кризиса 1998 г. У нас все кризисы, в том числе и долговые, носили, в основном, бюджетный характер. Поэтому именно с точки зрения международных валютно-финансовых интересов в последние годы было очень важно поддерживать бюджет с профицитом, чтобы иметь источник финансирования, погашения и обслуживания внутреннего и внешнего долга.

В программе заседания есть вопрос, существует ли валютно-финансовая угроза для валютного и финансового положения Российской Федерации? Конечно, такие угрозы продолжают существовать, хотя за четыре года развития после кризиса риски стали существенно ниже. Эти угрозы вам известны и кроются они, прежде всего, в экономике Российской Федерации. Надо признать, что несмотря на достигнутые успехи, экономика Российской Федерации со структурной точки зрения слаба. Слабее, чем, допустим, экономика Бразилии и экономика Мексики, слабее экономик других наших конкурентов на международных рынках. Кроме того, очень сильный рывок за последние годы сделали ряд азиатских стран, особенно Китай и Индия. Достаточно сказать, что бюджет

Российской Федерации соответствует бюджету двух южно-китайских провинций, поэтому с экономической точки зрения Российская Федерация, конечно, не занимает уже такого места, которое занимал в свое время Советский Союз. И мне кажется, это всем нам надо понять.

Когда я во время встреч на различных форумах — на «двадцатке», на «восьмерке» — спрашиваю у своих коллег из других стран, в чем проблема Российской Федерации, в последнее время практически все отвечают, что нам, россиянам, надо привыкнуть к мысли, что мы больше не великая держава с экономической точки зрения и с точки зрения финансового потенциала. И как только мы привыкнем к этой мысли, мы будем соответствующим образом строить свою финансовую и экономическую политику. Второе, — поскольку мы не великая держава, нам надо научиться копировать действия других стран, достигающих того или иного успеха в тех или иных областях, а не пытаться заново изобретать велосипед. Поэтому я, например, в своей основной работе, сосредоточенной в рамках «восьмерки», в рамках «двадцатки», международных форумов и Международного валютного фонда, а также в работе с внешними нашими требованиями и внешними долговыми обязательствами, исхожу, прежде всего, из такого подхода: поскольку мы не великая держава, значит, если говорить о наших долговых обязательствах, при платежах по внешнему долгу надо считать каждую копейку и добиваться снижения этих платежей.

Что касается наших внешних требований, то здесь любой дополнительный доллар — это хорошо для страны. Поскольку все привыкли, что Советский Союз часто выдавал крупные суммы странам Восточной Европы, африканским, азиатским государствам, удивляются, почему мы иногда торгуемся даже из-за 10 долларов. Потребительское отношение к Российской Федерации по-прежнему сохраняется, особенно в странах Восточной Европы, в СНГ и в странах Африки. Считают, что Россия как наследница Советского Союза — это большая и богатая страна. Да, у нас большая территория, но не очень большая страна с точки зрения резервов, финансовых возможностей и экономики. Лишь недавно наш валовой внутренний продукт превысил валовой внутренний продукт Нидерландов — из этого и надо исходить в своей экономической и финансовой политике, выстраивая её на перспективу. То есть ко всем вопросам надо прежде всего подходить прагматически, использовать репутацию России, сложившуюся в последние годы в политической сфере, для достижения своих международных финансовых интересов.

Напомню, что ВВП Российской Федерации составляет только около 30% от валового внутреннего продукта Советского Союза. Его уровень, к сожалению, еще не достиг уровня 1991 г. — вот она, ситуация, вот они, угрозы. То есть при оценке рисков, связанных с проведением той или иной валютно-финансовой политики, надо учитывать, что экономика России в значительной степени сократилась. Несмотря на достигнутые успехи за последние 4–5 лет, мы пока еще не вышли на уровень 1991 г., а это означает, что не должно быть каких-то очень больших амбициозных планов относительно усиления экономического и финансового влияния в большинстве стран мира, как это было при Советском Союзе. И не должно быть никакого благотворительного подхода в отношении как наших кредиторов, так и наших должников.

Вторая слабость и вторая угроза, в том числе и валютно-финансовой системе страны, естественно вытекает из первой — это зависимость экономики от цен на энергоносители. Несмотря на то, что — мое глубокое убеждение — в последние годы эта зависимость в значительной степени снизилась, по крайней мере, я сужу так по бюджету. Цены на протяжении четырех лет вели себя по-разному. Они поддерживались на достаточно высоком уровне, но даже в периоды относительного падения цен наш бюджет существенных трудностей не испытывал. Доходная ба-

за бюджетов в значительной степени укрепились, и это в том числе обеспечивает финансовую стабильность в Российской Федерации.

Как я сказал, еще одна слабость экономики России состоит в отсутствии диверсификации. Несмотря на предпринимаемые меры в последние годы, пока нельзя сказать, что Российская Федерация не зависит от топливно-энергетического комплекса. Более того, в определенные годы эта зависимость возрастала. Но диверсификация, существовавшая при Советском Союзе, когда мы производили почти все, но это все практически не было конкурентоспособным, — тоже не тот путь, по которому надо следовать. Поэтому в последнее время усилились тенденции стимулировать диверсификацию российской экономики, и на это также направлена валютно-финансовая политика.

Устойчивому экономическому росту и развитию нашей экономики препятствует и слабое развитие банковской системы — одного из источников экономического роста. Несмотря на то, что положение стабилизировалось, банковская система по-прежнему остается крайне слабой, реформа системы происходит медленно. Если поставлена задача удвоения валового внутреннего продукта до 2010 г., надо понимать, что это невозможно без сильной, развитой банковской системы.

И, конечно, по-прежнему основная беда нашей экономики — отсутствие реальной конкуренции и высокая степень монополизации, а также особенно отсутствие малого и среднего бизнеса. Малый и средний бизнес начал развиваться в начале 90-х гг., затем наступил период стагнации, и только сейчас его развитию вновь начинают уделять внимание.

Перечисленные слабости структурной экономики, которые в значительной степени будут сохраняться еще в течение длительного времени, и обуславливают то, что, несмотря — еще раз подчеркиваю — на все успехи, российская экономика подвержена валютно-финансовым рискам, хотя они и сократились.

Один из элементов валютного финансового риска, конечно, внешний долг, который составляет сейчас 115 млрд. долларов. За последние три года он сократился более чем на 40 млрд. долларов. А если выразить внешний долг в евро, впервые в текущем году он опустился за отметку ниже 100 млрд. евро — при текущих высоких ценах на нефть уровень внешнего долга небольшой. Государственный долг в целом чуть больше 35% ВВП. А внешний долг — около 30% ВВП. Еще в начале 1999 г. этот показатель превышал 100% ВВП. Тем не менее, в случае неблагоприятного изменения ситуации внешний долг может стать значительным фактором риска, подрывающим и стабильность рубля,

и валютно-финансовую стабильность в Российской Федерации. Поэтому все наши действия были направлены на то, чтобы сократить внешний долг. Сократить не только путем просто платежей по внешнему долгу (платить легче всего, это самый дорогой способ сокращения внешнего долга), но и проводить активные операции по управлению внешним долгом, при которых сокращение долга происходит в значительно большей степени, чем погашение за счет оплачиваемой суммы средств. Этой политике мы будем следовать и дальше.

Вместе с тем в последнее время вызывают озабоченность увеличивающиеся займы частного сектора. Если считать внешний долг с точки зрения платежного баланса по методологии Международного валютного фонда, то в 2000 г. внешний долг Российской Федерации начал увеличиваться, в отличие от трех предыдущих лет. С одной стороны, мы понимаем, что необходимость развития корпораций требует достаточно длинных денег, чтобы осуществлять дополнительные вложения в производство, дополнительные инвестиции. Но с другой стороны, мы всегда считали, что внешний долг связан со значительными валютными рисками. Если, представьте, какая-либо корпорация, поставляющая, в основном, продукцию на внутренний рынок, осуществляет займы в иностранной валюте, то в случае колебания рубля возникает значительный риск того, что компания просто не расплатится по внешним обязательствам. Поэтому стремительный рост задолженности корпораций — внешней задолженности корпораций — вызывает у нас определенное беспокойство. Пока этот рост находится в приемлемых пределах, но если ситуация выйдет из-под контроля, то, очевидно, эту проблему придется каким-то образом решать. Еще раз скажу: иллюзия, что частная корпорация, привлекая средства, делает это только для собственной деятельности, так же, как и иллюзия, что государство в итоге не несет ответственности по займам частных корпораций. Если крупнейшие корпорации, крупнейшие компании в результате чрезмерных заимствований окажутся неплатежеспособными, то, как принято и в других странах, государство будет вынуждено взять на себя ответственность по их обязательствам. Это нас и беспокоит. Мы надеемся, что развитие самих компаний и развитие управления рисками, активами и пассивами в этих компаниях позволит избежать такой ситуации. Но, тем не менее, факт на лицо: внешние корпоративные заимствования растут очень быстро. В то же время внутренние корпоративные заимствования растут очень медленными темпами, а мы считаем, что именно развитие

рынка корпоративных облигаций является тем инструментом, который позволит финансировать развитие корпораций и в итоге обеспечить их рост и рост экономики в целом.

Много споров сейчас вызывает вопрос, что все-таки более важно в экономике, что тоже связано с валютно-финансовыми интересами России: борьба с инфляцией или обеспечение экономического роста? Здесь я могу только выразить свое личное мнение. Я знаю рекомендации Международного валютного фонда о том, что необходимо попытаться снизить инфляцию до однозначных цифр, и это будет большим достижением для Российской Федерации. В связи с этим Центральный банк России сейчас проводит в том числе политику по реальному и номинальному укреплению курса рубля. С другой стороны, мне кажется,— опять же, это мое личное мнение,— что в настоящее время уровень и размеры инфляции находятся в приемлемых пределах. И главное, на чем должна сосредоточиться финансовая и денежно-кредитная политика,— на поддержании экономического роста, тем более, что экономика наших конкурентов, таких, как Китай и другие страны, растет гораздо более быстрыми темпами, чем наша. Здесь, очевидно, должен существовать какой-то баланс: нельзя увлекаться решением одной проблемы, забывая о другой.

Что касается политики России как заемщика, то я уже упомянул о том, что мы очень сдержанно относимся как к внутренним, так и к внешним заимствованиям, отдавая предпочтение, конечно, внутренним заимствованиям. В последнее время, вы знаете, мы рефинансируем часть погашения внешнего долга внутренними заимствованиями. Мы будем продолжать эту политику, и Россия по отношению к внешним кредиторам останется на предстоящие годы нетто-плательщиком. С учетом того, что в этом году ожидается значительный профицит бюджета, а в следующем году он предусматривается значительно меньшим, значение бюджета как источника финансирования погашения внешнего долга будет сокращаться.

Как я сказал, погашение долга будет осуществляться путем внутренних заимствований. Это стало возможным за счет, опять же, расширения внутреннего рынка заимствований, за счет того, что, по крайней мере сейчас. Министерство финансов в состоянии привлекать средства по ставкам и на сроки, примерно соответствующие внешним заимствованиям. Конечно, в связи с получением Российской Федерацией инвестиционного рейтинга возрастет привлекательность внешних заимствований. Но дело в том, что, мне кажется, мы находимся на эта-

пе начала повышения процентных ставок в Соединенных Штатах. Это не означает, что в Российской Федерации процентные ставки будут расти — наоборот, есть тенденция к их падению. Таким образом, рост кредитного рейтинга РФ будет нивелироваться тем, что ставки в иностранных валютах, может быть, вслед за долларом и евро, будут расти, поэтому привлекательность заимствований на внутреннем рынке для Министерства финансов будет возрастать. На это нацелена наша политика. Мы рассчитываем, что к 2010 г. внутренний долг достигнет 50% от всего государственного долга Российской Федерации.

Как я сказал, внешний долг несет очень большие риски для Российской Федерации, по крайней мере с точки зрения бюджета. Курс рубля колеблется по отношению к доллару. Допустим, в случае резкого падения курса доллара может случиться так, что в бюджете не найдется соответствующих рублей для оплаты по внешним обязательствам. До недавнего времени эти риски в основном лежали на Министерстве финансов. Сейчас, диверсифицируя наши операции с Центральным банком, мы постепенно перекладываем эти риски на Центральный банк как учреждение, которое в состоянии более эффективно осуществлять в дальнейшем хеджирование риска.

Что касается золотовалютных резервов, — у нас сейчас очень большие золотовалютные резервы. Я считаю, что в принципе они обеспечивают достаточную устойчивость в валютно-финансовой сфере, независимо от колебания цен на энергоносители и мировую конъюнктуру. Но есть другая угроза: в случае значительного падения курса доллара по отношению к евро существует риск фактического обесценения этих резервов. Поэтому и здесь, насколько я знаю, Центральный банк тоже думает о композиции этих резервов, чтобы избежать соответствующих рисков. Пока — налицо тенденция к падению курса доллара по отношению к евро, наличие двойного дефицита в Соединенных Штатах: по текущим операциям платежного баланса и огромного бюджетного дефицита. Мне кажется, что тенденция к падению курса доллара может продолжиться, несмотря на наметившееся оживление в экономике Соединенных Штатов.

В последнее время, вы знаете, часто дебатировался вопрос и в отношении притока капитала в Соединенные Штаты. Здесь тоже есть свои проблемы: раньше дефицит по текущим операциям финансировался за счет этого притока, сейчас же, учитывая увеличившиеся так называемые политические риски в Соединенных Штатах, политические риски в отношении американских активов, приток капитала в США значи-

тельно сократился. А в связи с известными событиями многие страны, в том числе арабские государства, проводят политику выхода из доллара США. Все это повлияет, мне кажется, на движение курса доллара по отношению к евро. По крайней мере, в бюджете у нас заложено дальнейшее в 2004 г. повышение курса евро к доллару. Риск здесь состоит в том, что, если вдруг по каким-то причинам доллар США резко упадет, это, естественно, вызовет резкий подъем курса евро, что не сможет не сказаться на экономическом развитии еврозоны и привести к глобальному валютному кризису. Поэтому с точки зрения композиции резервов — я обратил внимание на поведение других центральных банков, — надо думать не только о валютах, но и других формах хранения этих резервов. В частности, значительное увеличение цены на золото сегодня может свидетельствовать о том, что некоторые центральные банки осуществляют покупку золота для своих золотовалютных резервов.

Учитывая риск возможного колебания курса доллара-евро, мы принимаем две вещи в отношении, например, внешнего долга. Во-первых, сокращаем внешний долг и увеличиваем долю внутреннего долга и, во-вторых, пытаемся диверсифицировать составляющую нашего внешнего долга, диверсифицировать доли составляющих его валют. Хотя здесь есть проблемы, связанные с тем, что значительную часть долга мы унаследовали от бывшего Советского Союза. Можно долго спорить, правильным было это решение или нет. Работая уже четыре года в Министерстве финансов, я все-таки считаю, что такое решение было не совсем правильным. Очевидно, можно было пойти по югославскому варианту, где республики распределили между собой внешнюю задолженность и требования кредиторов. Но поскольку мы приняли обязательства по внешнему долгу бывшего СССР, нам приходится их выполнять. Эта категория долга очень сложно поддается изменению с точки зрения композиции валют, и она, в основном, выражена в долларах США. Поэтому внешний долг остается трудно управляемым, и это еще один из возможных рисков, который может возникнуть в связи с нестабильностью на рынках мировых валют.

Можно долго говорить об обеспечении международных валютно-финансовых интересов, об участии Российской Федерации в «восьмерке», в «двадцатке» — это тоже интересный аспект. Кажется, спрашивали, зачем нужно участвовать в «Группе восьми»? Я думаю, это очень хороший инструмент для обеспечения наших валютно-экономических интересов. Участие России в «Группе восьми» позволяет нам каким-то образом защищать и обеспечивать национальные ин-

тересы Российской Федерации, легче доводить свою позицию по многим вопросам до крупнейших государств и все в большей степени оказывать влияние на их валютно-финансовую политику в мире. Но здесь все-таки есть одно «но». Как показывают предварительные прогнозы, значение «Группы восьми» в мировой экономике будет сокращаться. Интересы России как страны с развивающейся экономикой объективно больше совпадают пока, например, с такими странами, как Китай и Индия — интересы именно в отношении мирового экономического порядка. Поэтому мы, конечно, сидим как бы на двух стульях и одновременно играем активную роль и в «двадцатке», где присутствуют эти крупнейшие государства. В то же время конфликт интересов — по крайней мере, я его очень хорошо чувствую — постоянно присутствует, и в какой-то момент нам надо будет решить, к какой группе стран мы примыкаем больше и с какой группой стран мы будем больше солидаризироваться — с новыми растущими крупными экономиками или с развитыми экономиками? Решение этого вопроса я вижу в том, что, может быть, со временем сама «восьмерка» (расширение её маловероятно) лет через пять-десять потеряет былое значение. И именно участие Российской Федерации в «Группе двадцати», где присутствуют такие крупные государства, как Китай, Индия, Бразилия и др., фактически может подменить деятельность «восьмерки». Но это мои размышления по поводу тенденции. Произойдет это на самом деле или нет — будет видно, но участие Российской Федерации в таких образованиях с точки зрения прагматического подхода обеспечивает наши валютно-финансовые интересы и, несмотря на небольшой сейчас экономический вес в мире, обеспечивает участие России в формировании нового мирового порядка, новой международной валютно-финансовой системы.

С.П. Капица

Спасибо, Сергей Иванович. По-моему, мы выслушали исключительно интересный и краткий отчет о проблеме валютно-финансовых интересов, где были затронуты и политические факторы. Наверное, если мы присутствуем в «восьмерке», то больше как политическая сила, а экономические интересы нас тянут к «двадцатке», если так можно выразиться.

У меня к Вам вопрос. Вы говорите, что мы записываем наш бюджет с профицитом, а как мы его выполняем? В долг или же сводим концы с концами согласно плану?

С.И. Колотухин

В 2003 г. профицит бюджета будет таким, как мы планировали. В предыдущие годы профицит бюджета был выше, чем первоначально планировалось. То есть фактически, как мы планируем, так и происходит.

С.П. Капица

Второе. Мы проводим монетаристскую политику в отличие, грубо говоря, от кейнсианской, допускающей и даже приветствующей некоторую инфляцию. Так производился внутренний заем для развития экономики в кризисной ситуации. Это наводит меня на мысль о недавно состоявшемся обсуждении в Академии наук книги Д. Стиглица, которая только что вышла в русском переводе. Я её прочел, и на меня она произвела большое впечатление. Речь в книге идет о глобализации, но на самом деле это обзор итогов реформ, проводившихся в России за последние 10 лет. Что Вы думаете по этому поводу? Я понял, Вы считаете, что некая инфляция была бы нам полезна.

И еще: Вы не упомянули о нашем вхождении в ВТО.

С.И. Колотухин

Мое личное мнение не как официального представителя, а просто как человека, состоит в том, что, несмотря на разговоры о том, что Россия уже включена в международную интеграцию, в глобализацию и т. д., наша экономика по-прежнему в значительной степени остается изолированной. Я думаю, что мы включились в мировую экономику, но только как экспортеры энергоносителей. Может быть, за последнее время еще одной-двумя отраслями. Поэтому вступление в ВТО, мне кажется, России жизненно необходимо для того, чтобы участвовать в процессах глобализации, чтобы обеспечить конкурентоспособность нашей промышленности. Это вкратце, потому что на тему ВТО можно рассуждать бесконечно.

Что касается кейнсианских и монетаристских методов,— к этому вопросу надо подходить, мне кажется, очень осторожно. Возьмем пример Японии, где в последние годы откровенно проводилась кейнсианская политика. В течение последних 10 лет в японской экономике происходит спад. Естественно, осуществлялись значительные меры по её стимулированию и, как ни странно, в отличие от предыдущих лет — 50-х, 60-х, 70-х гг.,— эта политика не дала никаких результатов. Почему же сейчас не происходит того, как было раньше в других государствах, в том числе в той же Японии, когда применя-

С.П. Капица

лись кейнсианские методы? А потому что, мне кажется, мир все больше и больше достигает более высокой степени глобализации. Теперь, если вы выбрасываете деньги в экономику, то где их станет хранить тот же японский предприниматель? Под нулевую ставку процента в Японии? Да нет, он вложит их в более доходные американские активы. Фактически это означает, что кейнсианские методы не дают должного эффекта в глобальном масштабе. Поэтому, несмотря на достаточно изолированную экономику, Россия все-таки участвует в глобализации, и нельзя исключать такого же результата кейнсианских методов и в Российской Федерации.

С.П. Капица

Сергей Иванович, Вы высказали мнение о том, что мы не должны ощущать себя великой державой с точки зрения состояния экономики. Но политически мы стремимся быть великой державой, и это на-

кладывает большие обязательства на вооружение. Мне кажется, это страшная вещь для нашей экономики.

Американцы сильно стимулируют свое вооружение, их военный бюджет составляет сейчас, по-моему, 400 млрд. долларов. Что нам делать в этом случае?

С.И. Колотухин

В действительности я абсолютно уверен, что у нас в России есть все возможности для развития большой, очень развитой экономики. Поэтому, я думаю, со временем Россия станет великой державой и в экономическом отношении. Но сейчас надо осознать, что пока мы не обладаем экономической мощью, необходимо считать каждую копейку и смотреть, на что идут те или иные средства.

В военном отношении Россия остается великой державой, т.е. страной, обладающей огромным ядерным потенциалом. Но я уверен, что не политика определяет экономику, а экономика определяет политику и, думаю, рост политического авторитета произошел потому, что мы начали осознать свое место в мире, начали понимать, что мы — не Советский Союз.

С.П. Капица

Это заслуга нашего Президента.

Какие будут еще вопросы к Сергею Ивановичу? Пожалуйста, Олег Тимофеевич Богомолов, советник РАН.

О.Т. Богомолов

Докладчик затронул существенные темы и, по-моему, освятил их обстоятельно. Но у меня все-таки возникает вопрос о профиците. Профицит в бюджете на будущий год составляет, кажется, около 80 млрд. Он покрывает наши внешние обязательства. По некоторым оценкам, профицит даже будет больше заложенной в бюджет суммы, поскольку есть другие расчеты, учитывающие возможную более высокую инфляцию, чем планировалось. Кроме того, есть переходящие остатки из прошлого года.

Так вот, помимо обслуживания внешнего долга, на что пойдет оставшаяся сумма средств?

С.И. Колотухин

Дело в том, что, начиная с 2002 г., мы начали формировать так называемый резервный фонд — на случай возникновения колебаний в мировой конъюнктуре. Если не будет хватать доходов бюджета для

осуществления погашения внешнего долга и мы не сможем занимать на внутреннем и внешнем рынке для рефинансирования этого долга, то тогда будут использованы средства из резервного фонда.

С 2004 г. мы начинаем формировать так называемый стабилизационный фонд, т.е. фонд будущих поколений, в который пойдет значительная часть доходов, связанных с экспортом энергоносителей. Если профицит будет больше, что, на мой взгляд, пока маловероятно, то, естественно, все суммы, превышающие профицит, пойдут в стабилизационный фонд, то есть использовать их мы не будем.

О.Т. Богомолов

А переходящие остатки?

С.И. Колотухин

И переходящие остатки тоже. Все остатки на 1 января 2004 г. пойдут в стабилизационный фонд.

О.Т. Богомолов

То есть мы омертвим огромную сумму денег, которая будет не работать, а где-то лежать — так? Или мы ее как-то используем?

С.И. Колотухин

Мы не омертвим огромную сумму денег. Я понимаю, мы с Вами согласны, что наша экономика пока структурно слаба и зависит все-таки от экспорта энергоносителей. Эти деньги мы откладываем на случай возможных негативных событий, чтобы обеспечить стабильность экономики.

О.Т. Богомолов

В рублях или в валюте?

С.И. Колотухин

Средства стабилизационного фонда будут в рублях.

О.Т. Богомолов

Но не вложенных в народное хозяйство, а лежащих на каких-то счетах? Тогда это мертвые, не работающие, не приносящие дохода деньги. Если бы мы их использовали продуктивно, например, расширили мощности, работающие на экспорт, или создали какие-то другие предприятия, дающие доход, — тем самым мы бы увеличили свое богатство. А так — это как бы вычет.

Фото Л. Панкратовой

А.И. Потемкин

С.И. Колотухин

До 1998 г. мы продуктивно использовали наши золотовалютные резервы и средства бюджета. И в результате...

О.Т. Богомолов

...потому что использовали во вне. А если внутри?

С.И. Колотухин

И внутри тоже. Поскольку бюджет постоянно был с дефицитом и, естественно, непроцентные расходы бюджета были очень высокими, это привело в результате к тому, что кажущийся, наметившийся рост экономики в конце 1997 г. обернулся огромным падением экономики. Поэтому стабилизационный фонд именно тот инструмент, который служит для выравнивания развития страны. При избытке — средства изымаются в стабилизационный фонд. Когда возникает их недостаток, средства стабилизационного фонда могут быть использованы, в том числе и на поддержание минимального уровня беспроцентных расходов. Я думаю, это логично. Наверное, Вы храните сбережения в банке и пополняете их, чтобы иметь возможность использовать их для поддержания своего уровня жизни, если вдруг Ваши доходы изменятся.

А.И. Потемкин

Сергей Иванович, я знаю, что приход каждой новой крупной личности, специалиста высокого профессионального уровня на государственную службу, как правило, приносит новые интересные идеи, полезные не только ведомству, в котором работает этот специалист, но и в итоге всей стране. И с Вашим переходом из банковской сферы в конце 1999 г. на государственную службу такие идеи не только ожидались, но их часто обсуждали. Я был тому свидетелем, и мы с Вами об этом говорили.

Одна из Ваших интересных идей, которую Вы серьезно отстаивали, была связана с проблемой неkoordinированности управления внутренним и внешним долгом как уроком кризиса. Идея, высказанная Вами в начале 2000 г., затем на нескольких заседаниях Правительства до 2001 г., состояла в том, чтобы создать единую систему управления и внутренним, и внешним долгом. Как Вы помните, тогда говорили о создании ДАРФ — Долгового агентства Российской Федерации как воплощении этой системы. Сейчас об этом не говорится прямо, но рассуждения представителей Министерства финансов об использовании внутреннего долга для погашения внешнего наводит на мысль о возможности появления такой системы. Отсюда мой первый вопрос: не исчезла ли идея ДАРФа или, может быть, она трансформировалась и ищет новые формы реализации?

Второй вопрос вытекает из первого. Вы сказали, что есть идея рефинансирования внешнего долга за счет внутренних заимствований, но мне кажется, здесь речь идет больше о политических лозунгах. На практике у меня сложилось такое ощущение — поправьте меня, если я чего-то не знаю, — что внутренний долг, по крайней мере рыночный долг, у нас сейчас сокращается. Во всяком случае, я могу утверждать, что он не вырос в течение этого года. Тем не менее, мы достаточно успешно погашаем внешний долг. То есть на самом деле рефинансирование внешнего долга за счет внутренних заимствований — пока еще только лозунг, но не реализация политики. Мне интересно, как и при каких условиях это будет происходить?

С.И. Колотухин

По поводу системы управления государственным долгом — да, я считал и по-прежнему считаю, что совершенствование такой системы необходимо. Это один из уроков кризиса. Пока не удалось окончательно объединить управление внешним и внутренним долгом, несмотря на то, что в рамках Министерства финансов координация ста-

ла более заметной. Мы постоянно сравниваем возможности по привлечению средств и ищем, где выгоднее привлечь соответствующие средства. Дискуссия по созданию системы управления государственным долгом способствовала более скоординированным действиям внутри Министерства финансов.

Что касается создания долгового агентства, — и здесь дискуссия способствовала активизации в этом направлении деятельности Внешэкономбанка как агента государства по управлению внешним долгом. Вы знаете, что все коммерческие функции Внешэкономбанка перевели во Внешторгбанк, чтобы у банка не возникало конфликтов при осуществлении коммерческих и одновременно долговых операции по поручению государства.

А.И. Потемкин

Да, но Внешторгбанк не приобрел соответствующие функции.

С.И. Колотухин

Формально он не приобрел статус долгового агентства, и по-прежнему управление внутренним долгом осуществляется Государственным банком. Дело в том, что не только внутри Министерства финансов идут дискуссии о целесообразности объединения управления государственным долгом в рамках какой-то внешней организации. Может быть, есть смысл объединить управление государственным долгом в рамках Федерального казначейства и ему передать те функции, которые выполняет сейчас Внешэкономбанк — дискуссии на эту тему еще не закончились. Поэтому мы смогли достичь успехов в совершенствовании существующей системы, но предлагаемую мною новую систему создать пока не удалось.

Что касается внутренних заимствований, — действительно, основным источником погашения внешнего долга по-прежнему является профицит бюджета. Но профицита бюджета недостаточно для погашения внешнего долга, поэтому другим источником являются внутренние заимствования. То есть, если у вас доходы превышают расходы, образуется профицит, и Вы можете использовать эти средства на погашение долга. Если же их недостаточно, — осуществляется привлечение внутренних заимствований для рефинансирования долга. Другое дело, что пока профицит выше, чем ожидалось, поэтому объем внутренних заимствований меньше, чем предполагалось первоначально.

А.И. Потемкин

Другими словами, этот механизм пока еще не начал работать?

С.И. Колотухин

Нет, этот механизм начинает работу. В следующем году он будет работать полностью, потому что нам предстоит погасить долг суммой свыше 16 млрд. долларов, из них, если я не ошибаюсь, основного долга около 8 млрд. долларов, а внешних заимствований мы привлекаем только на 3 млрд. долларов. Весь профицит идет в стабилизационный фонд. Погашение долга будет финансироваться только за счет внутренних заимствований. Повторяю, этот механизм фактически работал уже в 2001 г., еще активнее он будет работать в 2004 г.

А.И. Потемкин

Можно порадоваться, что здоровые идеи находят себе место в жизни, хотя они пока не формируют изменений как в структуре Министерства финансов, так и органов, обеспечивающих управление государственным долгом.

С.И. Колотухин

Когда я выдвинул идею по управлению государственным долгом, моя главная задача состояла прежде всего в том, чтобы сформировать сознание — сознание всех руководителей, членов Правительства. Это было сделано, а что касается организационных изменений, то рано или поздно они последуют — это неизбежно, потому что теперь у всех есть ясное понимание, на каких принципах надо осуществлять управление государственным долгом и как это должно быть организовано.

В.А. Зернов

Сергей Иванович, если можно, Ваше мнение как профессионала: будет ли в обозримом будущем ставка рефинансирования конкурентоспособна с валютной кредитной ставкой?

С.И. Колотухин

Это вопрос к Центральному банку. Если я на него отвечу, то испорчу отношения с Центральным банком.

А.Г. Козельский (журнал «Внешняя торговля»)

Сергей Иванович, речь все время идет о внешнем долге России другим странам, но почему-то очень редко упоминается о долгах других стран России. Что Вы можете сказать об этом?

С.И. Колотухин

Это тяжелая тема. Размер долга разных стран нашей стране с учетом начисленных процентов составляет по оценкам около 95 млрд. долларов США. Он, в основном, возник в советские времена, когда Советский Союз предоставлял военную и экономическую помощь государствам Африки, Азии и другим государствам. Основная часть долга сосредоточена в беднейших странах Африки и слабо развитых странах Азии, которые не в состоянии платить по задолженности. Некоторые страны находятся в состоянии войны. Ежегодно мы получаем платежи от пятисот тысяч до одного миллиарда долларов США. Основные наиболее аккуратные плательщики — Вьетнам и Индия.

И. Солонцов (Московское областное отделение союза налогоплательщиков России)

Сергей Иванович, у меня несколько вопросов.

Вы сказали, что существует риск падения цены на нефть до 12 долларов за баррель и для этого нужен стабилизационный фонд. Но 12 долларов за баррель означает дефляцию доллара, избыток долларовой массы и нехватку заемщиков. В этих условиях получить заем как раз легко. Зачем тогда стабилизационный фонд?

Второе. Если стабилизационный фонд хранится в рублях, то каким образом это позволит погасить долги, номинированные в иностранной валюте?

Третье. На чем основан Ваш сценарий с падением цен на нефть, хотя все данные о ее запасах свидетельствуют, что нефть кончается, и цены могут только возрасти?

Четвертое. Как Вы объясните ситуацию, когда продается товар — в данном случае нефть, — но продавец отказывается от получения денег за этот товар? Таков итог создания стабилизационного фонда. Не есть ли это хищение в особо крупных размерах государственного и частного имущества?

Пятое. Ваша позиция типична и озвучивается не только Вами, но в обществе понимание соотношения валют рубля и доллара совсем другое. Как Вы оцениваете сильнейший разрыв между общественным, экспертным мнением и позицией Министерства финансов? Почему общество и Министерство финансов говорят на разных языках?

С.И. Колотухин

По поводу хищения государственного имущества. Когда вы откладываете на черный день, нельзя же сказать, что вы похищаете у себя

собственные деньги? Почему же государство не может это делать? В жизни бывают разные ситуации, и я считаю, что стабилизационный фонд необходим.

С.П. Капица

Стабилизационный фонд, очевидно, это — свидетельство нашей состоятельности.

С.И. Колотухин

Могут возникнуть разные ситуации в экономике, связанные не только с колебаниями цен на нефть, например, экономические кризисы и т.п. Мы от этого не застрахованы, поэтому иметь соответствующие запасы, чтобы сгладить возможные колебания экономической конъюнктуры, — нормальная практика.

Относительно того, что при падении цен на нефть ниже 12 долларов за баррель нам дадут деньги, то деньги дают, когда они вам не нужны. Уж поверьте, я убедился: когда деньги нужны — их никто не дает.

С.Н. Лавров

Сергей Иванович, Вы сказали, что Министерство финансов озабочено изменением структуры платежного баланса и что займы частного сектора играют серьезную роль в заимствованиях. В связи с этим у меня вопрос. За последнее время государство отказалось от многих форм поддержки притока материальных и финансовых активов из-за рубежа — от суверенных гарантий, от связанных кредитов и многого другого. Плюс к тому, как Вы сами сказали, существует угроза в слабом банковском секторе России. Где искать источник развития крупному российскому бизнесу — независимо от того, государственный он или частный, — для выполнения установленных программ и целей, если не использовать иностранные займы? И предполагает ли Минфин, учитывая эту проблему, ставить барьеры частным компаниям, если последние захотят привлечь ресурсы?

С.И. Колотухин

В Вашем вопросе есть доля истины: компаниям для развития необходимы займы. Конечно, предпочтительно, чтобы компании осуществляли эти займы на внутреннем рынке, а не на внешнем, и не всегда, я вам скажу, удачно: дорого и зачастую не в нужный момент.

Что касается связанных кредитов и форм поддержки, — мы привлекли с 1991 г. 40 млрд. долларов связанных кредитов. Вы видели

хоть один ощутимый результат этого привлечения? Приходит на память хоть какой-нибудь объект, запомнившийся в результате привлечения связанных средств? Думаю, что нет. Поэтому, конечно, мы должны создавать условия корпорациям для осуществления заимствований в целях их развития, но не обязательно на внешнем рынке. И мы создаем эти условия. Россия достигла инвестиционного рейтинга только за счет достаточно осторожной долговой политики. Мы готовы поддерживать и помогать бизнесу, создавая хороший инвестиционный климат в Российской Федерации. Кстати, источником развития компании могут быть не только заемные средства, но и прямые инвестиции, а это большая проблема. Еще одна из слабостей, о которой я забыл упомянуть, состоит в том, что прямые инвестиции в нашу экономику находятся на крайне низком уровне.

С.Н. Лавров

А как насчет барьеров?

С.П. Колотухин

Нет, конечно, мы не собираемся вводить никаких барьеров в отношении заимствований, потому что с точки зрения заимствований мы считаем пока, что корпорации сами управляют своими денежными потоками. Они вправе это делать, это их бизнес. Если они считают целесообразным привлекать заимствования не на внутреннем рынке, а на внешнем, значит, для этого есть основания. Но может образоваться критическая масса, когда задолженность вдруг резко возрастет, и другие корпорации будут не в состоянии осуществлять внешние заимствования или будут осуществлять внешние заимствования по высоким процентным ставкам. То есть исчерпают ресурсы рынка, не оставив возможностей для дальнейшего рефинансирования, а долги-то надо будет платить. Поэтому здесь надо быть осторожными.

Мы осуществляем мониторинг не с целью введения запретов, а для поддержания определенного баланса. Представьте, например, Сибнефть займет 30 млрд. долларов — и всё, лимиты инвестиционных банков на российские компании будут исчерпаны. Другие компании уже не смогут рефинансироваться, либо смогут рефинансироваться по ставкам, значительно более высоким. Поэтому кто-то, хотя бы на уровне государства, должен наблюдать за этим. Если сумма задолженности станет огромной, и мы увидим, что корпорация не в состоянии расплатиться, то надо будет предпринимать определенные меры. С чего начался кризис 1998 г. в Южной Корее? Именно с того, что

Фото Л. Панкратовой

С.Н. Лавров

крупнейшие корпорации были не в состоянии погашать огромную внешнюю задолженность, которую государство в конце концов было обязано взять на себя. А это значит, что задолженность, особенно крупнейших корпораций, может рассматриваться как потенциально квазисуверенная.

Л.Н. Красавина

Сергей Иванович, какие угрозы для экономики нашей страны могут возникнуть в результате перехода к свободной конвертируемости рубля? Как свидетельствует мировой опыт, переход от частичной к полной конвертируемости валют занял до 20 лет.

С.И. Колотухин

Да, переход к полной конвертируемости в развитых странах занял длительный период времени. Конечно, возможность перехода к полной конвертируемости связана с состоянием прежде всего экономи-

ки, платежного баланса и других аналогичных показателей. Говорить о том, что в ближайший короткий период рубль достигнет полной конвертируемости, очень сложно. Для этого должны быть созданы соответствующие экономические и финансовые условия. Действительно, мы наблюдаем сейчас приток иностранной валюты в Российскую Федерацию. Но в основном, помимо экспортной выручки, это краткосрочные средства, которые при неблагоприятном развитии ситуации могут уйти из страны и фактически подорвать стабильность рубля и финансовой системы, что, кстати, и происходило в 1998 г. Поэтому говорить сейчас о немедленном достижении конвертируемости рубля, а значит, в том числе и полном снятии всех валютных ограничений, мы не можем. Экономика не достигла такого уровня, я думаю, это займет еще некоторое время.

С.П. Капица

Спасибо. Время для вопросов, по-моему, исчерпано, и я прошу выступить Руслана Семеновича Гринберга, директора Института международных экономических и политических исследований РАН

Р.С. Гринберг

В докладе господина Колотухина мне понравились три сюжета. Прежде всего (о чем я уже слышал и от других экспертов) то, что в течение последних нескольких лет действительно появились черты единой системы управления государственным долгом. Это очень важно, поскольку есть возможность каким-то образом координировать политику в отношении общего долга — внутреннего и внешнего, чего не было раньше.

Второе. Я разделяю подход заместителя министра финансов к проблеме консульгаций с Международным валютным фондом по поводу инфляции. Я думаю, это абсолютно догматическое требование. Понизить инфляцию до однозначной величины, которая якобы сама по себе приведет к здоровому экономическому росту, в моем представлении, если не учитывать другие факторы, абсолютная нелепость. Яркий пример страны, на которую Сергей Иванович сослался, — Япония, где уже несколько лет при нулевой инфляции нет никакого роста. Я, правда, не очень согласен с тем, что японцы применяли кейнсианские методы. На мой взгляд, они даже и не думали об этих методах — так получилось. Но, конечно, если давать деньги просто так, то в условиях глобализации, конечно, они могут перетечь за границу.

Л.Н. Красавина

И третий, очень важный, на мой взгляд, момент. Сергей Иванович правильно отметил самые главные российские проблемы: экономика не диверсифицирована, поэтому существуют серьезные риски с точки зрения экспорта. Если у вас на семь-восемь товаров приходится 100% валютной выручки — это катастрофа, тем более, что вы не можете влиять на цены, вы всегда пассивный объект, а не субъект ценообразования — это понятно.

Также верно, что монополизация рынка ненормальная и власти практически не предпринимают никаких мер. Причем я хочу подчеркнуть, речь идет не только о естественных монополиях. Власти мало что делают применительно к контролю за издержками в естественных монополиях, практически штампуют все их проекты повышения цен. Кстати сказать, здесь я вижу главную причину инфляции, а денежная масса — это уже последующее.

Абсолютно правильно и то, что серьезная проблема — отсутствие малого и среднего бизнеса.

Замечу, что вся наша финансовая политика мне кажется очень странной и контрпродуктивной. Например, создание стабилизационного фонда — не могу понять, зачем он нужен? У нас есть золотовалютные резервы, и Вы (обращается к С.И. Колотухину — *ред.*) говорите, что они хорошие. Вы говорите, что при таких золотовалютных ре-

зервах курс более или менее защищен, если не произойдет ничего такого уж страшного, например, цена нефти резко упадет до 10–12 долларов за баррель. Если так, то непонятно, зачем ждать этого черного дня и что такое черный день? В моем представлении черный день наступил давно, и когда Вы говорите о так называемом фонде будущих поколений,— я думаю: надо, чтобы эти будущие поколения появились, да к тому же не совсем одичавшие. Это примерно так же, как разговор о пенсионной реформе: кажется, что речь идет о пенсионерах, но пенсионеры не имеют к этому никакого отношения — такая же история с фондом будущих поколений.

Я могу себе представить, что есть аналог стабилизационного фонда в Норвегии — более или менее удачная страна, но надо сказать, что в Норвегии никогда не думают о планировании профицита. Я не знаю ни одной страны мира, которая когда-нибудь задумывалась о планировании профицита. Бывают, конечно, разные ситуации, как, например, в США при президенте Клинтоне, при сумасшедшем экономическом росте (может быть, это вообще был золотой век для Америки) появилось действительно много денег. Не за счет нефти, как у нас, а просто упало с неба, за счет больших налогов. Как выяснилось, эти деньги можно было быстро потратить, что они и сделали.

Как я воспринимаю затею со стабилизационным фондом, который создает Министерство финансов? Во-первых, непонятно, кем он будет контролироваться? Судя по всему, правительство не хочет, чтобы парламент каким-то образом участвовал в контроле над ним. Может быть, я выражусь вульгарно, но ситуацию я представляю себе такую: муж, жена, семья, где есть дети, и вдруг с неба упала премия. Что делать? Все собрались и решили, что есть много проблем: надо купить лекарства, купить одежду, еще что-то. Но хозяин говорит: «Вы знаете, это упало на нас с неба и я не уверен, что на будущий год тоже упадет, поэтому у меня такое предложение — не тратить!»

В Норвегии, когда деньги действительно надуты ветром, нефтяными ценами, не спорят ни о каких рентах, спокойно их отнимают. Отняли — надо куда-то их деть, действительно откладывать в фонд будущих поколений, чтобы все нормально, равномерно развивалось. Но здесь же — даже неловко как-то говорить,— когда столько дыр! Президент недавно сказал о том, что изношена инфраструктура, и могут произойти техногенные катастрофы. Кто же, интересно, будет обновлять инфраструктуру? Частный бизнес, который занимает сейчас деньги? Даже странно подумать об этом. Я просто хочу ска-

Р.С. Гринберг

зять, что все то, о чем Вы говорите нужно делать: диверсификацию экспорта, поддержку бизнеса и слом монопольной структуры, но, может быть, я ошибаюсь, правительство не делает буквально ничего.

И последнее, по поводу Ваших предположений относительно евро–доллара. Мне кажется, мы очень пессимистичны по отношению к доллару, мы все время ждем его краха. Но на самом деле, как я представляю себе, это одна евроатлантическая семья, где есть представления о том, как можно защитить паритет валют. Мы не должны забывать, что цена евро при рождении составляла 1,17 доллара. Сейчас примерно столько же, ну может быть, чуть больше — и из-за этого возникает паника. Европейский Союз очень заинтересован в девальвации, то есть чтобы не развивалась дальше ревальвация евро, поскольку там хотят роста экономики. И потом существует координация между ними, своповские операции и пр., позволяющие — может быть, я ошибаюсь — каким-то образом сдерживать острые моменты.

О.Т. Богомолов

Успокоил держателей долларов, спасибо!

С.П. Капица

Теперь я прошу выступить Вадима Борисовича Лукова, посла по особым поручениям МИД, по рекомендации которого мы сегодня пригласили Сергея Ивановича Колотухина, По-моему, Сергей Иванович и Вадим Борисович вместе действуют на мировой арене.

В.Б. Луков

Спасибо, Сергей Петрович за шутивную аттестацию. Я очень горд тем, что действительно, в рамках «Группы восьми» мы с Сергеем Ивановичем выступаем как собратья. Сергей Иванович — финансовый сушерпа, а я, его младший брат, исходя из примата экономики над внешней политикой, занимаюсь внешней политикой.

Первое, о чем я хочу сказать, — воздействие нынешнего нашего правительственного валютно-финансового курса на внешнеполитические позиции. Второе, в порядке дискуссии, Сергей Иванович, — относительно роли «восьмерки», «семерки» сейчас и в будущем. И третье — робкий взгляд дилетанта на вопрос о стабилизационном фонде.

Итак, о валютно-финансовом курсе и внешнеполитических позициях. Должен отметить как живой очевидец этого процесса, что в последние три — четыре года наша валютно-финансовая политика совершенно непосредственно и ощутимо влияет на международные позиции. Тот факт, что нам по большому счету ничего ни от кого не надо, очень раскрепощает наши дипломатические подходы. Когда вы в рамках той же «Большой восьмерки» на первой части заседания заискиваете, просительно смотрите на партнеров при обсуждении вопросов о новых кредитах России, как это было, например, на Токийском саммите 1993 г., а на следующем заседании вы с напором должны отстаивать свои международно-политические позиции — один характер маневра. Иная ситуация, когда вы говорите партнерам об опережающих выплатах России в Международный валютный фонд. Напомню, кстати, что мы сократили свои долги до уровня ниже нашей квоты в МВФ — это значит, что мы в любой момент, говоря о пресловутом черном дне, можем брать значительные суммы в МВФ, другое дело, что мы благородно отказываемся это делать. Это очень серьезно укрепляет наши реальные политические позиции в таких структурах, как «Группа восьми» и в ряде других организаций. Уже чувствуется на ощупь, уже зримо, что на нас начинают с большим интересом смотреть

В.Б. Луков

реть западные партнеры, как на потенциального донора не только энергетической, но и валютно-финансовой стабильности в мире. И здесь диалог нужно вести, на мой взгляд, весьма тонко и уверенно, чтобы наши, пока ограниченные, донорские возможности не раздергали на массу горящих проектов то в Африке, то где-нибудь в Океании и т. п. — в местах, достаточно отдаленных от наших национальных интересов. Я солидарен с Сергеем Ивановичем в том, что нужно рачительно распорядится ресурсам, которые удалось мобилизовать, нацелить их на национальные нужды в сопряжении, конечно, с нуждами широкого сообщества, в котором мы существуем.

По поводу наших позиций в той же «восьмерке» могу сказать, что во многом благодаря усилиям нынешнего руководства Минфина, не побоюсь слов, транспарентного и творчески мыслящего, мы с этого года впервые в полном объеме участвуем во встречах финансовых суперпов «восьмерки». А это, доложу вам, самый интимный механизм

еще и «семерки». Из него выросла вся нынешняя структура управления глобализационными процессами в валютно-финансовой сфере.

По поводу роли «восьмерки» хотел бы поспорить в следующем. На мой взгляд, не иссяк порох в пороховницах у наших западных партнеров, плюс экономический подъем в России — и это позволяет говорить о том, что еще длительное время нынешний клуб будет занимать положение группы, контролирующей, так сказать, пакет акций. «Группа восьми» — это 49% мирового экспорта, 51% мирового промышленного производства; у пайщиков стран «Группы восьми» — 49% ресурсов МВФ. Конечно, по прогнозам экспертов КЕС (Комиссия Европейского Сообщества) к 2020 г. совокупный ВВП КНР, Бразилии, Индии и России — обратите внимание! — превысит при нынешних тенденциях развития ВВП старой «семерки». Кстати, когда я об этом напоминаю нашим партнерам по «Группе восьми» в неформальных разговорах, меня хватают за рукав: «Куда это ты Россию зачислил? Ты наш, пожалуйста, без дезертирства!» Но факт, что Россия в известном смысле может сыграть роль некой осевой точки, балансира, — конечно, любопытен. Дай бог, чтобы тенденции экономического развития, которые могли бы вывести нас на такую траекторию, сохранились.

Какие функции все же, на мой взгляд, «восьмерка» может сохранить в валютно-финансовой сфере, которые никакая другая группировка государств не сможет себе присвоить или обрести? Во-первых, «Группа восьми» останется еще долгие годы организующим началом в валютно-финансовой системе мира. Почему? Да потому, что занимает ведущие позиции в МВФ, МБРР, Парижском и Лондонском клубах. Во-вторых, «восьмерка» сохранит свои позиции как инициатор и организатор диалога с другими ведущими финансово-экономическими центрами, то есть с КНР, Индией, Бразилией и рядом других стран, которые сейчас составляют «Группу двадцати». Никакая другая группировка не может выступить в роли, как говорят, «инициативного комитета». Никакая. Почему? Потому что в «семерке» и сейчас в «восьмерке» значительно большая общность интересов в валютно-финансовой сфере, чем у других центров, полемизирующих или оппонирующих ей. В-третьих, «восьмерка» долгое время будет устанавливать стандарты валютно-финансовой и бюджетной политики на глобальном уровне, поскольку здесь вопросы транспарентности, парламентской подотчетности, эффективности использования государственных средств поставлены на более современную и, я бы сказал, демократическую основу, чем во многих других формирующихся валют-

но-финансовых центрах мира. Без такой роли сертифициатора валютно-финансовых систем международная валютно-финансовая система будет не транспарентной, а значит склонной к кризисам. А кризисы очень дорого обходятся глобальному налогоплательщику: 17 млрд. долларов стоило хоть отчасти смягчить мексиканский кризис и 110 млрд. долларов — азиатский кризис. Вспомните, в Южной Корее люди сдавали золотые украшения, чтобы помочь государству расплатиться с теми, якобы частными долгами, о которых говорил Сергей Иванович. Короче говоря, «восьмерка» не исчерпала ресурс мотора. И я надеюсь, что такие группировки, конечно, сотрудничая с «Группой двадцати», будут все же организующим началом в реформируемой глобальной валютно-финансовой системе.

И последнее: несколько слов в защиту стабилизационного фонда. Думаю, что мой уважаемый научный коллега, который сравнил фонд с заначкой у мужа в семье, применяет не вполне корректную аналогию. Я бы сравнил стабилизационный фонд с балластом на корабле: ну действительно, лежат себе бочки с песком или свинцовые чушки на дне корабля и не работают, их возят и возят. Маленькая иллюстрация: в то время как мы спорим по поводу стабилизационного фонда, обратите внимание, все рейтинговые агентства в своих анализах состояния российской экономики на одно из первых мест ставят размеры стабилизационного фонда как фактора, повышающего устойчивость и предсказуемость финансовой и бюджетной политики. А оценка рейтингового агентства весьма быстро трансформируется в понижение кредитной маржи и в пользу для нашего частного сектора, кстати сказать, который этим активно пользуется, и в конечном счете — налогоплательщика.

С.П. Капица

Вы, по-моему, хорошо объяснили, что «восьмерка» — по существу, политический орган мира, а экономический орган — это «двадцатка».

В.Б. Луков

Может быть.

С.П. Капица

Может быть. Учтем также, что практически все члены Совета Безопасности постоянно находятся в «восьмерке», кроме Германии, Японии и Китая.

Я бы хотел добавить, что нам сейчас нужно больше всего думать об экономической диверсификации нашей экономики. В первую оче-

О.Т. Богомолов

редь это касается, наверное, малого бизнеса как наиболее подвижной и быстрой часть экономики, а потом и более крупных секторов — машиностроения, авиационной промышленности и пр. Это немного напоминает положение России во второй половине XIX в., когда финансовая политика С. Витте укрепила экономическое положение России: золотой стандарт, монопольные полугосударственные-получастные банки (которых, кстати, было немного), заложившие основу быстрого промышленного развития России — не знаю, правильная ли это аналогия?

Кто еще хочет высказаться? Пожалуйста, Олег Тимофеевич Богомолов.

О.Т. Богомолов

Тему данного обсуждения я для себя интерпретировал несколько другими словами, а именно: в чем должны заключаться цели нашей валютной политики и какие интересы она должна при этом воплощать и отстаивать? Это означает, что отдельные разделы валютной политики должны быть в поле нашего зрения: и формирование, и регулирование валютного курса рубля, и подход к проблеме конвертируемости нашей валюты — должна ли она быть полной в ближайшее время, как заявляет Президент, или здесь необходимо соблюсти постепенность и последовательность? Как подходить к накоплению и масштабу ва-

лютных резервов, к внешним долгам и проблеме официального и неофициального (я имею в виду утечку капитала) кредитования Россией других стран? В каждом из этих разделов валютной политики сталкиваются, с одной стороны, общенациональные, государственные интересы, а с другой стороны — корпоративные. И не всегда они совпадают. Причем нередко, как мне кажется, наша валютная политика на государственном уровне отвечает, в первую очередь, корпоративным интересам, а не общенациональным, общенародным.

Меня удивляет, и я не нахожу рационального объяснения тому факту, что страны Западной Европы, сталкивавшиеся с экономическими трудностями в послевоенный период, проводили совсем иную валютную политику, нежели Россия, когда она также оказалась в плену проблем, спадов производства, необходимости возродить экономическую жизнь и обеспечить высокие темпы роста. Возьмем только два аспекта валютной политики — проблему обеспечения конвертируемости собственных национальных валют и вопрос об отмене валютного контроля за операциями с капиталом. Как известно, мы довольно быстро провозгласили и осуществили, по крайней мере, конвертируемость рубля по текущим операциям, тогда как в Западной Европе это заняло достаточно длительный период времени. Конвертируемость рубля имела свои позитивные стороны, потому что действительно развернулся импорт, наполнились прилавки, включился в торговлю мелкий и средний торговый бизнес и т.д. Но нужно иметь в виду и обратную сторону: фактически мы привязали и свои цены, и во многом психологию наших людей к более устойчивой валюте — к доллару. Долларизация страны стала проблемой — проблемой, связанной с немалыми издержками. Накопления резервов, подматрасных денег в долларах оцениваются по-разному, суммы называются в десятках миллиардов плюс активы в банках. Что это такое? Это в больших размерах беспроцентное и долгосрочное кредитование бедной Россией всего остального мира, прежде всего Соединенных Штатов Америки. Суммы кредитования я не знаю точно, может быть, в Министерстве финансов есть такие данные, в печати фигурируют от 30 до 60 и даже больше млрд. долларов, обращающихся внутри страны в банкнотах. Но то, что цены привязаны к доллару и колебание доллара влияет на формирование цен и соответственно на положение огромных масс населения, — это факт. Если бы у нас была собственная прочная валюта, может быть, этого бы не произошло, но быстрая либерализация в этой области, в отличие опять-таки от Западной Европы, привела к такому положению дел.

Что касается регулирования операций с капиталом, то может быть, это еще не полная конвертируемость валюты, но многие эксперты, в том числе и Руслан Семенович Гринберг считают, что здесь мы опередили даже Запад. То есть, хотя формально и существует валютное регулирование, на деле же — пожалуйста, с помощью разных технологий и махинаций из страны можно уводить огромные капиталы. Отток капитала из России в массовом масштабе происходил еще при Б. Ельцине и продолжается сейчас. Суммы утечки называют огромные — от 100 млрд. до 150 и 200 млрд. долларов — и прекратить отток не удастся. Причем приводятся довольно странные доводы. Мне приходилось выслушивать от официальных лиц, что данный процесс нельзя контролировать и, вообще, дороже будет стоить создание системы контроля. Но это не аргумент! Почему остаются безнаказанными хотя бы отступления от существующих правил и инструкций, законов? Почему наши капиталы можно инвестировать и в футбольный клуб, и в покупку яхт по 100 млн. долларов, стоящих в Монако? Как это соотнобразуется с общенациональными и государственными интересами?

Происходит раскол между нашей деловой и политической элитами. Одни выступают за продолжение либерализации: себе дороже вводить ограничения, все равно бизнес найдет лазейки и уведет капитал. Другие считают, что нужно навести порядок, как это делалось в других странах мира, государство должно быть влиятельным. Когда в большинстве европейских стран полностью отменили ограничения по операциям с капиталом? Через 20, 30 лет после окончания войны. А мы хотим это сделать уже на десятый или одиннадцатый год либерально-радикальных реформ. Поэтому некоторые стороны валютной политики, к сожалению, в ходе нашего обсуждения не были затронуты, хотя по многим пунктам я с докладчиком полностью солидарен. Я считаю, что у него правильный взгляд на вещи и не надо нам торопиться с конвертируемостью рубля. Как мне кажется, не надо торопиться и с вступлением в ВТО, потому что мы нанесем непоправимый ущерб многим отраслям нашей промышленности. Я уж не говорю про пищевую и легкую промышленность, которую мы почти утратили, но и сельскому хозяйству, отраслям высоких технологий. Вы же сами подчеркиваете, что нам не надо думать о себе, как об очень сильной экономической державе. Держава слабая — значит нужно, чтобы и валютная, и внешнеторговая политика защищала нас, защищала нашу экономику, давала возможность ей встать на ноги и окрепнуть.

С.П. Капица

Спасибо, Олег Тимофеевич. По-моему, Вы сказали очень важные вещи. Я могу к ним добавить только одно замечание: защита нашей промышленности и сельского хозяйства требует активной таможенной политики.

О.Т. Богомолов

Но это и есть проблема вступления в ВТО.

С.П. Капица

Кстати, при Витте была очень сложная и разумная таможенная политика, идеологом которой был Д. Менделеев, — мы редко вспоминаем об этом. Знаем таблицу Менделеева и что он изобрел водку, а вот то, что Менделеев был идеологом таможенной политики и написал толковый тариф, — это его поразительный вклад в экономическую мысль России.

Сейчас я попрошу выступить Владимира Петровича Гутника, руководителя Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

В.П. Гутник

Сергей Иванович Колотухин сделал очень интересный доклад, что подтверждается большим количеством возникших в результате вопросов. У меня тоже было несколько вопросов, которые я не стал задавать. Постараюсь сформулировать их в своем кратком выступлении.

Мне понравился исходный тезис доклада: истоки внешних валютно-финансовых угроз для России — во внутренней структурной слабости. А это значит, что мы сами можем и должны справиться с этими проблемами, не надеясь и не рассчитывая на помощь извне. Однако для их решения, на мой взгляд, нужна четкая концепция — концепция взаимодействия нашей страны с другими субъектами в международной валютно-финансовой сфере. Здесь, мне кажется, есть какие-то неопределенности и в позиции Минфина, и, может быть, в позиции нашего Правительства в целом. И сегодня в докладе Сергея Ивановича не прозвучало четко и однозначно: что такое заимствования — вынужденное неизбежное зло или все-таки полезный инструмент оптимизации использования ресурсов? Мы что, отказываемся от заимствований, получив хорошие доходы при высоких ценах на нефть? Иными словами, бывает ли вообще такая ситуация, когда «деньги не нужны» и мы благородно отказываемся от кредитов, или, может быть, даже в условиях высоких экспортных доходов можно и нужно брать кредиты, потому что это дешевле, чем увеличивать налоговую нагрузку на отечественных

В.П. Гутник

производителей? Может быть, нормальное управление заимствованиями как раз и решит многие наши проблемы стимулирования внутреннего производства? В этом отношении интересно, как Министерство финансов расценивает нынешнее соотношение государственного долга и ВВП? Госдолг составляет чуть больше 35% ВВП, сказал заместитель министра финансов. Это много или мало? Нужно ли и дальше снижать эту квоту, скажем до 15%, или, может быть, нам ориентироваться на так называемый маастрихтский критерий, который в Европе считается максимальным (но допустимым), — 60% ВВП? Другое дело, что в этих 60% никак не может быть 55% внешнего долга, и соотношение внешнего и внутреннего долга в европейских странах как раз обратное. Но как добиться изменения этого соотношения, как повысить долю внутренних заимствований? Если доверие к государственным ценным бумагам после 1998 г. еще не восстановлено, надеяться на то, что можно будет в краткосрочной или даже в среднесрочной перспективе довести долю внутреннего долга до 50% совокупного государственного долга, на мой взгляд, можно только при полном отказе от внешних заимствований (т.е. изменение соотношения происходит за счет заметного снижения доли внешнего долга). Параллельно расширять внешние и внутренние заимствования, ускоренными темпами делая внутренние заимствования приоритетными, видимо, не удастся.

Следующий пункт, на котором мне хотелось бы остановиться, — соотношение финансовой и денежно-валютной политики. Может быть, я не точно вижу перспективы нашей экономической политики, но мне кажется, денежную и финансовую политику нужно строго разделять, поскольку они выполняют разные функции. И совершенно правильно Сергей Иванович отказывается от вопросов, которые нужно адресовать руководству Центрального банка. К этим вопросам, мне кажется, также относится и управление инфляцией. Центральный банк должен проводить политику укрепления рубля — не столько с точки зрения его обменного курса, сколько ценности внутри национальной экономики. Если Центральный банк считает, что повышение инфляции не является угрозой для ценности валюты и эта валюта не теряет в доверии, то он может допускать ограниченную инфляцию при помощи денежных инструментов. Но пытаться при помощи искусственного завышения инфляции стимулировать экономический рост, по-моему, совершенно бесперспективное занятие.

Еще два небольших вопроса, тоже не совсем связанных, как мне кажется, со сферой деятельности Министерства финансов, но обозначенных в нашей программе и затронутых в дискуссии. Во-первых, о евро и перспективах его в России. Я глубоко уверен, что просчитать выгоды и риски «евроизации» российской экономики совершенно невозможно. Здесь возможны только некоторые вариации. Два года назад, когда в оборот вводился наличный евро, я сказал, что хорошо бы нам эту акцию поддержать, демонстративно выступить в поддержку евро, увеличив золотовалютные запасы в этой валюте, чтобы нашим европейским партнерам — основным торговым партнерам — показать, что мы эту акцию поддерживаем. Тогда этого не случилось. Недавно, когда один из заместителей министра финансов выступил с такой демонстративной идеей, он подвергся публичному осуждению. Но совершенно точно, что диверсификация нужна не только в нашей экономике, но и в золотовалютных резервах Центрального Банка России. Однако, как ее проводить? Мне кажется, что соответствующие решения (и по объемам, и по способам осуществления такой диверсификации) также в компетенции только Центробанка РФ.

Что касается рисков, связанных с тем, что евро может либо сильно возрасти, либо, наоборот, сильно упасть, — эти опасения нельзя полностью исключить. Но, мне кажется, что, если есть что-то хорошее в экономической политике в Европе, то это политика Европейского Центрального Банка. Там добились, на мой взгляд, уникальной вещи:

заставили полюбить евро буквально в течение пяти лет. Какая другая валюта смогла добиться таких успехов? И то, что сейчас называют взлетом евро, на самом деле это возвращение к тому курсу экио к доллару, который был в 1996–1997 гг. При этом евро еще не исчерпал своих возможностей, потому что этот уровень пока ниже уровня 1995 г., когда курс экио по отношению к доллару был еще выше. Таким образом, можно констатировать: «евроизация» нам, видимо, не грозит, но больший интерес к евро проявлять следует.

И последнее. Мне кажется интересным прозвучавший сегодня вскользь вопрос о превращении рубля в межгосударственную валюту. Но, видимо, это весьма далекая от реальной жизни задача, поэтому правильно, что мы ее сегодня не обсуждали.

С.П. Капица

Спасибо, Владимир Петрович, за конкретные и ясные вопросы, которые Вы поставили перед докладчиком. Я могу сказать только, что в сознании россиянина доллар окутан некоей мистикой — это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Если народ удастся убедить, что доллар может рухнуть, возможно, мистика спадет, но это вряд ли удастся сделать.

Сейчас слово Сергею Николаевичу Лаврову, генеральному директору Бюро экономического анализа

С.Н. Лавров

Я хочу прокомментировать два вопроса.

В докладе С.И. Колотухина прозвучало, что Россия — экономически изолированная страна, и в этом состоит одна из причин угроз, которых нам следует опасаться. Я согласен с Олегом Тимофеевичем Богомоловым, что на самом-то деле не такая уж у нас изолированная экономика. По одним оценкам, средний отток капитала из страны составляет 20 млрд. долларов в год, а по другим — до 40 млрд. в различные годы. С 1991 г. по настоящее время из России утекло от 200 до 500 млрд. долларов. Надо сказать, что скрытые интересы российского бизнеса ощущаются во всем мире — и в Европе, и на Североамериканском континенте, и во многих других местах. То есть эти деньги — реальный рычаг, реальный инструмент российского бизнеса, оказывающий активное влияние на мировую экономику. Что касается покупки «Челси», — здесь я готов поспорить с Олегом Тимофеевичем. К сожалению, «Челси»-то мы купили не на принадлежащие России 100 миллионов долларов, потому что 500 миллиардов, которые по разным оценкам утекли из страны, — это уже не российские деньги, они легализованы и рабо-

тают в западной экономике. Все попытки, предпринимаемые Минфином и другими ведомствами вернуть деньги, предотвратить отток капитала, заканчивались ничем, потому что это легальный отток средств, и здесь ничего поделать невозможно. Поэтому я хотел бы сместить акценты, постоянно звучащие в прессе: вернем миллиарды, пусть они работают в России. Надо понять, что легальными, силовыми, экономическими — какими угодно методами, это сделать невозможно.

Второе: евро–доллар, и насколько мы привязаны к доллару. Все выступающие говорили о том, что сейчас невозможно представить экономику России без соотношения рубля и доллара. Да, действительно, у нас вся основная масса резервов долларова, и многие финансовые инструменты построены на сильном долларе. Несколько месяцев назад в одном из своих выступлений Президент говорил об устойчивости американской валюты, о том, что Россия заинтересована в сильном долларе, — это уже пересечение политических и экономических аспектов, то есть одно без другого сейчас развиваться не может.

В связи с этим я бы хотел остановиться на фондах, создаваемых Министерством финансов. В экономическом сообществе резко разделились мнения по поводу создания стабилизационного фонда — кто-то поддерживает эту инициативу, а кто-то критикует. Мне бы хотелось услышать более детальный ответ, в какой форме будут храниться средства стабилизационного фонда? Сегодня прозвучало, что в рублях, но это вряд ли соответствует действительности, потому что не для того создается стабилизационный фонд, чтобы стерилизовать рубли, извлекая их из экономики. Фонд создается для того, как было сказано, чтобы сохранить средства. Хранить же можно, наверное, в ценных бумагах американского — не российского — казначейства, либо с помощью каких-то других инструментов. Кстати, большинство инструментов, используемых для сохранения этих средств, малоэффективны. Это важный вопрос, который необходимо обсудить профессионально.

В.Б. Луков

У меня одно предложение по поводу уменьшения внешних рисков. Сергей Иванович правильно говорил об узости нашей экспортной структуры и, соответственно, уязвимости нашей валютной выручки. Но даже в этих условиях есть возможность диверсифицироваться, как говорится, по горизонтали, то есть диверсифицировать наш топливный экспорт, чтобы уменьшить зависимость от одного-двух рынков. А мы чрезмерно зависим от рынка Евросоюза. Речь идет о нара-

щивании нашего нефте- и газоэкспорта в Китай, Японию и в США, что сейчас не без проблем, но начинает происходить. Это, конечно, поможет уменьшить уязвимость от не во всем благоприятной для нас политики Евросоюза в отношении нашего нефтяного и газового экспорта. Я не стал бы так пессимистично смотреть на возможность уменьшения уязвимости, привязываясь лишь к долгосрочной структурной перестройке нашей экономики. Надо искать, искать и еще раз искать возможности сейчас — «ищущий да и обрящет»!

С.П. Капица

В связи с этим можно было бы сказать, что для нефтяной промышленности особенно важно было бы увеличить экспорт продуктов переработки нефти, чем сырого продукта. С газом это сделать нельзя, но с нефтью — несомненно, можно.

Если нет больше желающих выступить, я предлагаю Сергею Ивановичу ответить на вопросы и подвести черту нашему заседанию.

С.И. Колотухин

Я отвечу коротко, потому что заданные вопросы достойны отдельного обсуждения.

Что касается введения ограничений в связи с оттоком капитала, — да, такая проблема существует, отток капитала происходит активно. Но я боюсь, что одними валютными ограничениями эту ситуацию не исправишь. Чтобы контролировать отток, нужен огромный аппарат и огромные средства на его содержание. Это как с налогами: как только налоги достигают определенной величины — легче уйти от налогов, чем их платить. То же самое, мне кажется, с валютными ограничениями.

Из зала

Слабость власти!

С.И. Колотухин

Я не думаю, что это слабость власти. Просто, как ни удерживайте капитал, если в стране нет хороших условия для его применения, — он будет уходить. Поэтому я не согласен, что нужны какие-то искусственные ограничения. На капитальные операции нужны ограничения только с той точки зрения, чтобы приток капитала, краткосрочных средств не подорвал финансовую стабильность. А ограничения на вывоз или, наоборот, на прямые инвестиции, я думаю, проблему не решают.

Что такое заимствования? Прозвучал вопрос, как это деньги не нужны, нужны ли заимствования? Я согласен, это правильная постановка

вопроса. Заимствования, с точки зрения Министерства финансов, — это фактически продолжение бюджета. Если, допустим, снижаются налоги и налоговые поступления сокращаются, — в результате, конечно, увеличиваются заимствования. Если налоговые поступления увеличиваются, то заимствования не так необходимы. То есть заимствования — это продолжение бюджетной политики. От ситуации с бюджетом зависит, сколько мы будем заимствовать и какую налоговую политику будем проводить. В следующем году, например, мы предусматриваем увеличение заимствований на внутреннем рынке, в том числе в связи со снижением налогового бремени на экономику и ожидаемого снижения налоговых поступлений.

Говорили о разделении денежной и финансовой политики. Конечно, ее надо разделять. И конечно, Центральный банк должен быть независим в управлении денежной сферой, и конечно, должен заниматься вопросами управления инфляцией. Министерство финансов ни в коем случае не вторгается в эту сферу. Мы просто высказываем свое мнение по поводу композиции золотовалютных резервов, но это не значит, что Центральный банк должен обязательно следовать ему.

По поводу долларизации экономики. Я, может быть, выскажу сейчас крамольную мысль и меня закидают камнями, но я ничего не вижу страшного в долларизации экономики. Это был объективный процесс, связанный со слабостью национальной валюты. Единая экономическая валюта — тоже фактически отказ от национальных валют. Сейчас, кстати, наблюдается обратный процесс: в связи с укреплением курса рубля, происходит дедолларизация экономики, что создает большие проблемы, в том числе и для экономического развития. Поэтому действовать исходя из патриотических настроений «национальная валюта — это хорошо» — непрагматично. Заставлять население держать накопления в рублях, когда оно хочет держать в долларах? Я думаю, что у большинства из присутствующих часть сбережений тоже находится в долларах.

Из зала

Да у всех.

С.И. Колотухин

Поэтому я не нахожу ничего ужасного в долларизации экономики. Хотя есть недостаток: если иностранная валюта активно применяется на территории Российской Федерации, то ограничиваются возможности Центрального банка по проведению денежно-кредитной политики.

Что касается превращения рубля в межгосударственную валюту, — я думаю, это может произойти постепенно, если рубль будет укрепляться, станет стабильной валютой, особенно если укрепятся экономические связи и торговый оборот между государствами. Сейчас это маловероятно, но в перспективе возможно.

Мои слова об изолированности страны подверглись критике. Мне кажется, и наша промышленность, и наш бизнес недостаточно участвуют в глобализации, несмотря на огромный вывоз капитала, несмотря на скрытые интересы российского бизнеса во всем мире. Недостаточно, — если сравнить с любыми другими корпорациями, имеющими разветвленную структуру. Я интересовался, почему многие иностранные корпорации вкладывают средства в Китай? Ведь несмотря на то, что Китай — большой рынок, существует более серьезный в перспективе, политический риск вложения средств. Ответ был простой: не работать в Китае — значит потерять часть рынка и не быть мультинациональной корпорацией. То есть компаниям обязательно надо присутствовать в Китае.

Что касается стабилизационного фонда, — я свою позицию высказал. Какие инструменты будут использованы для его размещения — этот вопрос еще будет обсуждаться в Правительстве. Я не в праве говорить что-либо до его решения. Это действительно фонд будущих поколений. Мы должны обеспечить приток средств для развития экономики, не финансируя какие-либо проекты (кроме тех, где без государственного участия не обойтись), а обеспечивая более стабильную финансовую ситуацию для прямых инвестиций, для корпоративных займов и т.д. Я думаю, что в среднесрочном плане это гораздо более эффективная политика, чем сразу потратить все деньги, которых все равно не хватит на реконструкцию инфраструктуры в России, а потом при плохой ситуации остаться ни с чем.

Р.С. Гринберг

А кто сейчас должен тратить?

С.И. Колотухин

Я против сильного участия государства, в том числе и финансовыми средствами.

Р.С. Гринберг

Я спрашиваю про инфраструктуру, а не про участие или не участие государства?

С.И. Колотухин

Почему инфраструктура обязательно должна полностью финансироваться из бюджета?

Р.С. Гринберг

Не должна. Но кто будет финансировать?

С.И. Колотухин

Есть различные формы финансирования, в том числе и развития инфраструктуры. Например, во Франции и в других странах, где есть платные дороги, существуют государственные предприятия, привлекающие средства для реализации проектов с использованием механизмов различных заимствований. Для этого специально организуются акционерные общества, которые работают на основе самооплаемости, и работают успешно.

Р.С. Гринберг

У нас начинается что-то, как во Франции?

С.И. Колотухин

Есть такие идеи.

С.П. Капица

Спасибо Сергей Иванович.

В заключение нашей дискуссии — Александр Иванович Потемкин, генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи.

А.И. Потемкин

Мне очень понравилось выступление господина Лукова, к словам которого нечего было добавить. Но обмен мнениями в последующей дискуссии вызвал у меня желание сказать несколько слов — не столько в защиту Сергея Ивановича, сколько поддержать выраженную им позицию.

Мы имеем дело с человеком, который глубоко и профессионально проводит линию государства в области валютно-финансовых интересов России. Когда Сергей Иванович сказал, что в настоящее время мы — не лидирующая страна и занимаем скромное место с точки зрения нашего ВВП, я поймал себя на мысли, что в этом состоит его профессиональная позиция переговорщика при обсуждении вопросов рефинансирования нашей задолженности со странами или структурами типа МВФ, требующими ускоренного погашения долга. Заместитель министра финансов России профессионально объясняет, что

Россия сегодня это уже не то государство, которое может себе позволить согласиться на ускоренное погашение долга или отказаться от заимствований. С точки зрения его обязанностей на данный период времени — это ключевой вопрос.

Сергей Иванович также корректно ушел от темы денежно-кредитной политики, касающейся компетенции Центрального банка. Да, может быть, это ведомственная позиция, но очень важно, чтобы сегодня ведомства обеспечивали политику в рамках ответственности, предоставленной им государством. И я хочу подчеркнуть, уважаемые коллеги, для успешного развития государства очень важно, чтобы люди, отвечающие за то или иное направление нашей политики, особенно такой, как международная сфера, валютно-финансовые отношения, придерживались определенной линии, определенной позиции. Я считаю, мы не должны переносить свои переживания, вызванные правительственной политикой, на людей, добросовестно отстаивающих валютно-финансовые интересы России.

С.П. Капица

Спасибо, Александр Иванович. Вы очень хорошо подчеркнули позиции нашего докладчика. Я не экономист, но из того, что мы услышали, на меня большое впечатление произвел как анализ, так и общая валютно-финансовая ситуация в стране — как ни странно, достаточно оптимистическая.

Произвел впечатление анализ характера нашего экономического влияния, что в итоге экономика будет диктовать все дальнейшее развитие. Но политика должна поддерживать необходимые экономические решения. У нас, к сожалению, это происходит очень медленно. Мы не финансируем научно-технический прогресс в той степени, в какой это должно делать государство, и даже не создаем условий для того, чтобы этим мог заниматься частный капитал, который сейчас становится все более активным и ищет сферы приложения.

Инструменты государственной, таможенной политики, финансового движения должны активизироваться. Государство не может быть слабым в этих областях. Предыдущая президентура отпустила вожжи, — сейчас, по-видимому, надо усиливать государственную дисциплину, и, я думаю, этот неизбежный процесс в тех или иных формах происходит.

Я благодарю Сергея Ивановича Колотухина за доклад и спасибо всем, кто принимал активное участие в нашей дискуссии.